ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Сергей Самаров

ЛЕТАЛЬНЫЙ КРЕДИТ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Летальный кредит

«Автор»
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Летальный кредит / С. В. Самаров — «Автор», 2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-090649-9

Взвод спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Сергея Ходареченкова преследует в горах Дагестана банду эмира Малика Абдурашидова. Измученные бесконечными боями моджахеды пытаются прорваться к крупному городу, где они смогут затеряться среди населения. Но для новой жизни боевикам потребуются деньги… Неожиданно становится известно, что в ближайшее время в одно из горных сел инкассаторы доставят крупную сумму. Упустить такой шанс не могут ни бандиты, ни приготовившие им «сюрприз» спецназовцы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090649-9

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог 6
Глава первая 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Сергей Васильевич Самаров
Летальный кредит

© Самаров С., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Банда во второй раз спустилась с гор на рассвете. Еще была половина третьего ночи, однако на открытом пространстве, вне гор, уже активно начало светать. Это в ущельях рассвет приходит сразу: утренний свет словно на голову сваливается, когда солнце выходит из-за хребта. А до этого внизу стоит полумрак. А на равнине оно сначала просто выглядывает из-за моря и освещает широкий простор. Потом плавно поднимается выше и уже безостановочно катится по небу на запад, где вечером спрячется за другие горы.

Все шестнадцать моджахедов, составляющих нынешний джамаат эмира Малика Абдурашидова, умели ходить на дальние расстояния и не теряли при этом сил раньше времени. А сейчас предстояло пройти около тридцати километров. И эмир желал воспользоваться утренней прохладой для этого перехода, хотя его моджахеды в свое время без проблем переносили переходы и при обычной жаре сирийской пустыни, когда моча в организме закипает. Тогда требовалось за короткое время преодолеть большую дистанцию и ударить там, где тебя не ждут. И даже под землей часто ходили. Пользовались теми переходами, которые сами же и рыли. То есть моджахеды умели не только стрелять и убивать, но и работать лопатами и кирками. И это было предметом гордости эмира Малика. Он сам работать умел продуктивно и подолгу, пока работа не будет закончена. И в своем джамаате держал только тех, кто умел работать не хуже самого эмира.

Пришло сообщение о том, что в один день и даже одной инкассаторской машиной в село, которое было одновременно и райцентром, доставят деньги – пенсии для пенсионеров всего района и ранее задержанную зарплату работникам комбината строительных конструкций. Причем зарплату сразу за два месяца вместе с авансом за третий месяц.

Сообщение это эмир получил от своего верного человека звонком на трубку. И сразу начал готовить джамаат к выходу. Он разделил моджахедов на три группы, каждой из которых самостоятельно выработал и поставил конкретную, до мелочей продуманную задачу. И рассчитал время для каждого отдельного действия. Подробный план села у эмира был. План этот являлся точной копией того плана, что висел в кабинете главы района. Тот план сфотографировали на трубку, потом на компьютере увеличили и распечатали. Таким образом, Малик Абдурашидов знал, как располагается каждое строение в каждом дворе села. А потом уже ему сообщили, кто в каком доме живет и кто может представлять для джамаата хоть какую-то угрозу. Эти люди, естественно, подлежали уничтожению в первую очередь. Не все, только наиболее опасные для джамаата. И на это дело была направлена третья по счету группа. Каждое действие против отдельного опасного человека было просчитано до деталей, и все, что эмир задумал, он был уверен, моджахеды выполнят в точности. Эмир умел спрашивать строго, и все это знали.

Знали и потому выполняли. Так, в половине седьмого утра джамаат вышел на окраину села. Ждали еще час – слишком быстро шли. Но Абдурашидов всегда считал, что лучше спокойно отдохнуть перед делом, чем, запыхавшись, начинать то, что требует вдумчивости и тщательности. Две группы из трех так и остались ждать за пределами села, на берегу речки, текущей со стороны гор, среди островков густых кустов. Там, на берегу речки, были обнаружены два рыбака – мужчина лет тридцати пяти с сыном лет двенадцати. Они могли предупредить жителей о нападении, и потому обоим просто отрезали головы. Это самое надежное средство, которое никогда еще не подводило. Это не огнестрельное ранение, после которого человек бывает в состоянии хотя бы несколько слов прошептать. К тому же автоматные очереди могут услышать в селе и насторожиться. А тут удар прикладом в затылок одному и в лоб другому, и после этого в ход идут ножи…

После этого маленького инцидента третья группа в составе шести моджахедов, вооруженных, помимо ножей и пистолетов, четырьмя автоматами и двумя арбалетами, вошла в село через огороды. Начали с дома председателя сельсовета. Спрятали оружие, пробрались через кусты под окна, заглянули так, чтобы их увидели с кухни, после чего затаились. Хозяин, мужчина серьезный и нрава крутого, естественно, выскочил в огород с двустволкой. И тут же, прямо на крыльце, получил в грудь стрелу из арбалета. Простого арбалета, купленного в магазине спорттоваров. Стрела, конечно, крепкого здорового мужчину не убила, хотя и вонзилась в грудь достаточно глубоко. Возможно, он даже умер бы потом от ранения. Но «потом» – это неинтересно, точно так же, как «возможно». Главное, что стрела, которую обычно зовут «болтом», мужчину свалила с ног. Ему тут же перерезали горло до самого шейного позвонка. С позвонком возиться не стали, потому что это потеря времени. А оно было дорого. После этого двери подперли черенками лопат из стоящего тут же сарая, а дом подожгли. Мало ли кто мог наблюдать из окон за происходящим. У хозяина в доме теща и трое малолетних детей. Жена вот только в больнице с инфарктом лежит. После этого случая и ее, надо думать, похоронят.

Деревянное строение было охвачено огнем стремительно. В одном из окон второго этажа появилось из-за откинутой шторки детское лицо. Девочка в белой кружевной ночной сорочке открыла раму и хотела выбраться из горящего дома. Стрела, пущенная из другого арбалета, пробила ее насквозь, и кровь потекла по горящей стене.

А группа уже устремилась дальше. Времени любоваться плодами рук своих у моджахедов не было. Теперь уже побежали по улице, по газону, заросшему кустами, и почти не скрываясь. Но бежать было недалеко. Через два дома находился дом заместителя начальника районной полиции, который временно исполнял обязанности начальника, пока тот в отпуске и отдыхает с семьей в Турции. В дом ворвались и без стеснения расстреляли и хозяина, готового уже выйти, чтобы отправиться на службу, и его жену. Дети, а их, согласно данным, было четверо – одних мальчишек, еще, видимо, спали, скорее всего, на втором этаже, и не поняли, что за шум будит их.

Дети еще не очень понимают звуки автоматных очередей и не выделяют их среди других привычных звуков. И не важно было, успеют они выпрыгнуть из дома, который тоже подожгли, или задохнутся в дыму. Значит, это их судьба, так решил эмир. Главное, что в зажатой ладони хозяина дома были ключи от машины. Машина стояла здесь же, во дворе. Ворота из тонкого профилированного листа можно было бы и открыть, но это тоже была потеря времени. Потому видавший виды «уазик» с полицейской символикой их просто выбил. И устремился дальше, прямиком к райотделу полиции.

Тормоза резко заскрипели перед крыльцом в три ступени. На крыльцо с испуганным лицом выскочил дежурный с капитанскими погонами, отдал честь, готовый сделать доклад, но тут же упал на дверь и выбил плечом стекло. По крайней мере, пули стекло не пробили. Характерных отверстий не было. Все пули поглотило толстое тело капитана.

Моджахеды ворвались внутрь. Там стал понятен испуг дежурного при виде в такую рань машины заместителя начальника. За стеклом в «дежурке» на коленях сержанта сидела кривоногая рыжая деваха в юбке, которая кончалась, едва успев начаться. Сержанта пристрелили прямо сквозь деваху. Пули размозжили ему голову.

Потом откуда-то из внутреннего коридора появился целый полицейский наряд с пистолетами в руках. А последний даже с автоматом. Один из ментов наряда успел сделать выстрел и попал в бронежилет ближнему к себе моджахеду, вооруженному арбалетом. Бронежилет пистолетную пулю выдержал. А автоматы пришедших сделали свое дело. С нарядом было покончено.

Пробежка по двум этажам ничего не дала: все кабинеты были пустыми, встретилась нападавшим только уборщица, что несла ведро с водой. Она попыталась напасть на моджа-

хедов с этим ведром, сначала облив их, а потом ударив пустым ведром по голове ближнего к ней. Автоматная очередь в голову размазала по лицу густые усы женщины.

После чего, согласно плану эмира Абдурашидова, осталось сделать только одну поездку – к дому главы районной администрации.

А в селе уже был заметен дым от горящих домов. Может быть, потому и еще из-за звука автоматных очередей глава администрации торопился и уже выезжал из ворот своего дома, когда выезд ему закрыл «уазик» с полицейской символикой. Расстрел прошел без разговоров, после чего на крыльце была расстреляна жена главы и его взрослый сын, а дом тоже подожжен…

Лишив жизни двадцать четыре человека – это вместе с детьми, которых они, кроме одной девочки, даже не видели, и вместе с рыбаками на берегу реки, моджахеды третьей группы уехали из села в сторону гор. Бросили машину неподалеку, под мостом через речку, и, пройдя пешком по берегу, соединились с двумя другими группами и эмиром и стали ждать развития событий.

Эмир даже бинокль достал, но, находясь в низине, ничего не увидел. Все высокие места находились в отдалении от села, но и оттуда тем более было трудно что-то рассмотреть даже в бинокль. А бинокль у Малика Абдурашидова был несильный, купленный в том же магазине, что и арбалеты, причем наспех, без выбора.

Но в принципе особо и смотреть в селе было не на что. Что интересного могло быть в том, что делает следственная бригада районного ФСБ, что делают пожарные, суетящиеся рядом со своими машинами. И так было все ясно. Следователи еще к работе не приступили, ждут, когда пожарные закончат свои дела, а пожарные не пожары тушат, а поливают водой соседние дома, чтобы огонь на них не перекинулся. Все это эмир Малик просчитал заранее и даже рассказал своим моджахедам, что будет происходить. И те лишний раз убедились в великой мудрости своего эмира.

По дороге в сторону моста в клубах пыли проехали две машины. Одна – полицейская, вторая – обычная легковая. Похоже было на погоню. Дорога как раз плавно поднималась на возвышенность, и машины было видно от реки. Мост они миновали без остановки и пролетели дальше еще несколько километров, пока не убедились, что преследование ничего не даст. После чего вернулись, снова не задержавшись у моста. То есть угнанный «уазик» под первым пролетом моста не видели. Но его так специально и ставили, чтобы сразу найти автомобиль было затруднительно. Найдут только по случаю, видимо, через несколько дней.

Теперь следовало провести дальнейшие действия – главные, ради которых все и начиналось.

Расчет эмира был простым, но психологически выверенным. На село было совершено нападение. Бандиты постреляли, убили кучу людей, подожгли дома и скрылись. Убежали, проще говоря. Кто после этого будет ждать нового нападения? После этого обязательно наступит момент истеричного расслабления с плачем и стенаниями. Так устроена человеческая психика. И этим необходимо будет воспользоваться. А что будут убиты еще пятеро, это погоды не делает и эмира Малика смутить не может.

Дорога из Махачкалы лежала по другую сторону села. Именно по той дороге должна была приехать инкассаторская машина с деньгами. Деньги будут доставлены в отделение Сбербанка, где их посчитают и отправят на районную почту, откуда пенсии потом развозятся по почтовым отделениям. А бухгалтерия комбината строительных конструкций пришлет в банк своего кассира. С кассиром будет только водитель, который исполняет одновременно обязанности охранника и даже имеет при себе травматический пистолет «Оса». Машины с почты и комбината за деньгами в Сбербанк приедут примерно в одно время, как бывало раньше.

У Малика Абдурашидова были некоторые финансовые трудности. В соответствии со своими планами на ближайшие несколько лет он для начала намеревался купить пару квартир или домов в Махачкале, чтобы устроить там временное убежище своим моджахедам. Потом легализовать их и себя по подложным документам. Адреса, по которым следовало обратиться за документами, эмиру выдали еще в Сирии. За документы тоже следовало заплатить. Да и питаться всему джамаату тоже чем-то надо. Не на работу же парням устраиваться в конце-то концов? Никто из них не приспособлен к тому, чтобы каждый день ходить на работу. Для этого плана требовались средства, и немалые.

Вариант с пенсиями давно уже не выходил из головы эмира. Правда, думал он о том, чтобы захватить почтовую машину, когда она повезет пенсии в одно из сельских почтовых отделений. Это достаточно просто сделать. И риска мало. Но пенсии в Дагестане самые маленькие по России, и потому на большие суммы надеяться не приходилось. А тут ему пришла информация о том, когда будут доставлены пенсии для целого района. А попутно и задержанная заработная плата сотрудникам комбината строительных конструкций. Причем данные пришли от человека, хорошо знакомого эмиру, надежного, который не обманет. Это был старый Рустам Садыков, отец Рагима Садыкова, одного из бывших друзей Абдурашидова, погибшего в Сирии.

И Малик Абдурашидов решил действовать предельно дерзко. И, как обычно, действовал хитро, с пониманием человеческой психологии, с использованием отвлекающих моментов. И с обязательным просчитыванием всех мелочей от начала до конца, как он делал всегда. Такая его манера проводить операции обычно его выручала. Должно было все получиться и в этот раз…

* * *

Звонок о том, что инкассаторская машина приехала в банк, поступил вовремя. Информатор, старый Рустам Садыков, предупреждал именно об этом промежутке времени, поскольку оно обычно всегда выдерживалось. Ему из окна своего дома было хорошо видно здание банка, и он время от времени наблюдал, как приезжают инкассаторы.

И он же не посоветовал эмиру Малику нападать сразу на инкассаторскую машину, как тот думал изначально. Эта машина, во-первых, бронированная, и остановить ее можно только гранатометом с бронебойной гранатой, что может попросту сжечь и машину, и инкассаторов, и – главное! – деньги. Да и не было у эмира в наличии бронебойных гранат. Во-вторых, все инкассаторы вооружены и умеют обращаться с оружием. Да и сами по себе, это в-третьих, парни они крутые, неуступчивые, способные дать отпор. Зачем рисковать, если можно обойтись без риска.

С подобным предупреждением трудно было не согласиться. Такое нападение может привести к жертвам в джамаате, а эмир жертв допускать не хотел. И без того, когда тремя неделями раньше джамаат пытался напасть на инкассаторов в селе Старый Бавтугай, инкассаторы отстреливались по полной программе и смогли убить двух моджахедов эмира Малика. При этом деньги захватить не удалось – помешали три полицейские машины, поспешившие на звуки выстрелов. Причем одна из машин была случайной, просто проезжавшей мимо. Вместе с водителем ехал подполковник полиции, заместитель начальника райотдела, к которому и наведался джамаат во вторую свою вылазку. Подошло время расчета, как сказал Малик.

Тогда, в Старом Бавтугае, пришлось попросту спасаться бегством, хотя официально среди самих нападавших это называлось организованным и заранее продуманным отходом.

И потому теперь эмир Малик решил нападать по отдельности на машину почты и на машину комбината строительных конструкций. И оба эти нападения он снова разработал

детально и тщательно. Отсчет времени шел с момента прибытия в Сбербанк инкассаторской машины.

Третья группа, вернувшись после своего дела, осталась вместе с эмиром. А две другие точно в просчитанное время вышли на задание. Куда выходить, опять точно подсказал старый Рустам.

Первая группа сразу двинулась в огород к нужному человеку. В указанном огороде почти ничего не было посажено, и потому преодолели его бегом. Ворвались в дом, нашли хозяина пьяным, стукнули в лоб, связали и влили в рот бутылку водки. Хозяин дома пил, захлебываясь, с жадностью. И в глазах у него светилось счастье. Он готов был каждый день подставлять лоб под удары, если только после этого ему вливали в рот по бутылке.

Убивать этого человека эмир не разрешил. Такую просьбу высказал информатор, поскольку пьяница был его родственником и другом детства. Ключи от машины нашлись в кармане куртки на вешалке. Старенький «ВАЗ»-«копейка» бегал еще достаточно хорошо, хотя ездить ему доводилось лишь изредка. Хозяин только из любви к машине не садился за руль пьяным. А пьяным он был почти всегда. Правда, бензина в баке почти не было, но в гараже нашлась полная канистра. Залили быстро. И поехали.

Около районной почты заехали во двор, к служебному входу, и там остановились.

Ждать почти не пришлось. Почтовый грузовик, подъехав, встал на дороге, не повернув во двор. Водитель увидел, что его место занято, но не смутился этим. Сам он и второй человек, видимо почтовый охранник, вышли из машины. Каждый нес по две нелегкие инкассаторские сумки. То есть руки были заняты у того и у другого.

Как только эти люди увидели наставленные на них автоматы, они сразу бросили мешки на землю и резко прыгнули в разные стороны на газон, словно надеялись, что кусты защитят их от пуль. Но кусты не защитили. Один сразу перестал шевелиться, а водитель после автоматной очереди метался по газону, бился, как во время приступа эпилепсии, выгибая тело до неестественной дуги. Его просто пристрелили, чтобы не мучился и не привлекал внимания больше, чем автоматные очереди. Подобрали мешки и уехали в том же грузовике, бросив «копейку» там, где поставили, – она свою работу выполнила.

Уже на ходу увидели, как из боковой дверцы почтового кунга выпрыгнул молодой парень, ловко перевернулся и скрылся в ближайшем дворе. Парень, к счастью, был безоружным. Иначе он мог бы доставить неприятности моджахедам, стреляя прямо через кабину.

Вторая группа работала более жестко. Ей пришлось ударить ножом в живот одноногого мужчину на костылях. Нож пришлось оставить в теле, чтобы кровью не обрызгаться. Моджахеды хорошо знали, что, если нож вытаскиваешь из раны, струя крови хлещет далеко. Инвалид как раз протирал тряпкой стекло своей машины с ручным приводом. Один из моджахедов умел такой машиной управлять, он и сел за руль.

Комбинат строительных конструкций располагался за пределами села, на добрую сотню метров дальше самого крайнего из заборов. И потому сначала пришлось проехать на окраину и только потом, развернувшись на узкой дороге, медленно направиться в сторону центра.

Кассира бухгалтерии возила старенькая «Ока». Когда маленькая машина появилась на дороге, моджахеды остановились на своей полосе, но вышли из машины только в самый последний момент. Короткие очереди были направлены сразу и по колесам, и по водителю, и по пассажирке. Дело было сделано за секунды. Но инкассаторской сумки в «Оке» не оказалось. Однако была объемная холщовая сумка на коленях у кассира. Заглянув в нее, моджахеды увидели то, что искали, забрали сумку, сели в свою машину и уехали.

Из ближайших домов на звук автоматных очередей никто не вышел. А смотрел ли кто-то в окна, с улицы было непонятно…

* * *

Мы подступили к этой пещере после непродолжительной подготовки. В самом ущелье мы отработали, как я считаю, на отлично. Без собственных потерь было уничтожено семь боевиков. Остальных мы планировали найти в пещере и тем или иным способом уничтожить под землей, устроив им братскую могилу, поскольку пленных мы предпочитаем вообще не брать, в принципе. За исключением отдельных случаев, когда бывает необходимо захватить кого-то живьем, например, для показательного процесса или в случае, если этот человек является носителем важной информации.

Это вовсе не наша природная жестокость сказывается, как говорят господа правозащитники, таким образом велит поступать опыт. Просто так уж повелось в действительности, с которой правозащитники считаться не желают, что наши подразделения по несколько раз захватывали одного и того же бандита, который должен был, согласно всем нормам права, отбывать срок в «местах, не столь отдаленных». Но против нас работала какая-то непонятная система, и заключенные, даже порой имеющие пожизненное заключение, выходили на свободу уже вскоре после суда и снова принимались за старое. И снова гибли мирные жители, которых правозащитники почему-то брать в расчет не желали. А если и брали, то лишь для того, чтобы обвинить действующую власть и, естественно, нас.

Тогда, после массы подобных случаев, и была высказана устная рекомендация – не брать пленных.

Иногда смотришь сообщения прессы и встречаешься с одной и той же формулировкой: «Во время операции уничтожено такое-то количество бандитов». Кто-то, чаще всего те же самые правозащитники, пытается приписать это героизму бандитов, которые не желают сдаваться в плен и дерутся до последнего патрона. И только сами участники боевых действий знают, в чем суть дела. В плен лучше никого не брать…

Мы подошли вплотную к устью пещеры. Устье было неприлично широким благодаря горному обвалу, произошедшему, согласно сообщениям источников, несколько лет назад во время весеннего таяния снегов в горах. Просто обвалилась часть стены, сделав и другую часть неустойчивой и опасной для тех, кто поблизости находится.

И потому я приказал расстрелять эту стену из подствольных гранатометов. Но внешне слабая стена после десятка выстрелов только роняла отдельные камни и осыпалась пылью. Взрывной силы гранат «ВОГ-25»[1] для этого природного сооружения явно не хватало, хотя стена по-прежнему угрожающе пошатывалась и никто не знал, когда она пожелает рухнуть.

Тогда пришлось применить самый мощный в мире гранатомет РПГ-29 «Вампир», для гранат которого и шестьсот миллиметров гомогенной стали не являются преградой. Здесь хватило двух «выстрелов»[2] – стена рухнула, оставив безопасный проход.

Но безопасным он был только для того, кто не желал ломать себе ноги, перебираясь через нагромождение камней. Если горным козлом скакать по этим камням, не глядя себе под ноги, немудрено и шею сломать, не то что ноги.

Но солдаты моего взвода обучены по таким камням бегом бегать, почти не глядя вниз, и одновременно прицельно стрелять. Не зря у нас на батальонное стрельбище завезли четыре большегрузных самосвала таких камней, чтобы бойцы имели возможность отрабатывать передвижение по камням при одновременной стрельбе по мишеням. То есть нагромождение камней могло бы представлять опасность для бандитов, решись они на вылазку, но никак не для обученных бойцов спецназа ГРУ.

---

[1] «ВОГ-25» – стандартный армейский боеприпас для подствольных гранатометов, калибр 40 миллиметров.

[2] «Выстрел» (*арм. жаргон*) – гранаты для гранатометов в армии зовут «выстрелами».

Таким образом, мы полностью развалили вход в пещеру, оставив наполовину открытой главную внутреннюю галерею, идущую вдоль хребта, и узкие проходы в боковые галереи, уходящие в глубину того же хребта и поперек его, порой даже вверх.

Карта пещеры для меня была подготовлена заранее по данным республиканской службы спелеологографии. Есть, оказывается, и такая служба при республиканском Комитете по туризму и экскурсиям.

Когда-то, в советские времена, эта пещера посещалась туристами-спелеологами. Здесь даже проводили, как я слышал, какие-то соревнования всесоюзного и международного уровня. То есть пещера имела определенный уровень сложности при прохождении, но, что меня больше всего устраивало, она не имела других выходов. То есть, забравшись внутрь, девять оставшихся бандитов отрезали себе пути к отступлению, хотя изначально у них была возможность уходить в верховья, откуда имелся выход через границу в Грузию.

Но убегать туда, когда «хвост», по сути дела, придавлен солдатским каблуком, опасно. При той скорости, с которой умеет передвигаться спецназ, едва ли кто из бандитов сумел бы добраться до границы. И бандиты это, похоже, знали. И, может быть, по этой причине, может, еще по какой-то, выбрали вариант с пещерой. Хотя здесь тоже уберечь собственную жизнь не казалось возможным.

Впрочем, я допускал, что это у меня сложилось такое впечатление, потому что я имел на руках подробную карту пещеры, где были обозначены даже перепады высот. А бандиты о существовании карты не догадывались, но они отлично саму пещеру знали. И потому надеялись там спрятаться и отсидеться до поры, когда спецназ уберется восвояси.

У бандитов, с моей точки зрения, какое-то странно извращенное понятие о спецназе. Где они вообще видели «волкодавов», которые свое дело не заканчивают! Тем не менее банда предпочла бегству под пулями блуждание в темных подземельях. Но это собственный выбор каждого. Собственный выбор способа смерти.

Вообще-то, согласно рекомендациям, нам полагается просто сделать несколько выстрелов из огнемета «Шмель-М», и тогда в пещерах все и всё сгорит за секунды. От распространения смертоносного огнеопасного газа термобарической гранаты спрятаться невозможно. Газ затекает в любую щель. А во время самого взрыва газообразное облако сгорает, смешиваясь с кислородом воздуха, и в месте сгорания создается такое низкое давление, которое ничто живое выдержать не сможет.

Но наша проблема сводилась к тому, что во взводе не было собственных огнеметов. Ни у меня, ни у офицеров оперативного отдела сводного отряда спецназа ГРУ в регионе Северного Кавказа и мысли не появилось, что бандиты пожелают предпочесть пещеры бегству в сторону границы. И потому огнеметы мы с собой не взяли, хотя они имелись на складе.

Оперативники, скорее всего, опасались, что мы можем применить их, чтобы достать беглецов в ущелье. Но в этом случае облако газа может повести себя непредсказуемым образом и стремительно двинуться вниз по ущелью, то есть в нашу сторону. Это уже представляло опасность для взвода. Но произойти такое могло только в случае, если бы стрелять пришлось с короткой дистанции. А случай, недавно произошедший со спецназом Росгвардии, когда «Шмель-М» был применен при аналогичных обстоятельствах и сгорело несколько самих росгвардейцев, был наглядным примером. Этот случай обсуждали и в войсках, и все мы, и офицеры, и солдаты, понимали правила безопасности при пользовании огнеметом. Тем не менее офицеры оперативного отдела, когда готовили план операции, посчитали излишним вооружать взвод этим смертоносным оружием. Если бы сразу можно было предусмотреть, что бандиты спрячутся в пещере, нам обязательно выдали бы несколько «Шмелей». Но, раз не выдали, я связался с начальником штаба сводного отряда и объяснил ситуацию.

– Карта пещеры у тебя есть? – спросил майор Арцегов.

– Так точно, товарищ майор.

– Короче говоря, так решим… Я запрошу возможность доставить тебе огнеметы вертолетом. Если будет возможность, сообщу в течение десяти минут. Если возможности не будет, будь готов вести подземную войну. Тепловизионные прицелы есть у всех бойцов. Пользоваться ими умеете. Все. Жди от меня сообщения и готовься. Конец связи…

– Конец связи, товарищ майор…

Надежда на вертолет, как я понимал, была минимальная. Я знал, что все вертолеты в это время суток обычно, что называется, в разгоне, никто попросту не простаивает. А возможность отправки нам вертолета сводилась к тому, что кто-то прилетит на заправку или за пополнением боекомплекта и возьмет попутный груз. Но груз вертолет возьмет только в том случае, если ему предстоит лететь в нашу сторону. Хотя бы приблизительно в нашу сторону. Сделать небольшое отклонение от маршрута для вертолета несложно. Где нужно, он в состоянии форсировать скорость.

Я не знал, чего ждать, к чему готовиться. На всякий случай начал готовиться к проникновению в пещеры. Для чего приказал разрушить часть внешней стены, которая грозила обвалом. Но, честно говоря, надеялся все же, что майор Арцегов найдет вертолет, потому что спускаться в темные горизонты пещеры особого желания я не испытывал. Там, даже имея преимущество тепловизионных прицелов, всегда можно нарваться на выстрел из-за угла или на мину в темноте. А я предпочитал обходиться без жертв. Пока у меня во взводе за четыре предыдущие командировки на Северный Кавказ потерь не было, были только легко раненные.

Начальник штаба объявился на связи через девять с половиной минут, то есть вполне уложился во время, которое сам для себя выделил. Он у нас вообще человек строго пунктуальный и любит во всем порядок.

– Старший лейтенант Ходареченков. Слушаю вас, товарищ майор.

Начальник штаба говорил деловым тоном, торопливо:

– Сергей Николаевич! В ущелье, где ты сейчас находишься, возможность для посадки вертолета есть? Где-нибудь поблизости от вас?

– Грубо говоря, только теоретическая возможность, товарищ майор. Лопасти едва-едва смогут провернуться. Ущелье узковатое. Лучше бы не рисковать – промахнуться легко.

– Предложения?

– Перед воротами ущелья хорошая площадка для посадки. Я пошлю туда отделение. Пока вертолет будет лететь, а это не менее сорока минут, отделение пешком доберется. А бегом тем более. Мои ребята шустро бегают.

– Договорились. Сколько, говоришь, у главной галереи боковых проходов?

– Шесть. Два отдаленных, а четыре прямо по центру.

– Значит, у тебя правильная карта. Совпадает с моей. Высылаю тебе шесть огнеметов «Шмель-М». На каждый проход по одному. Сожги этих чертей к их матери. Пусть узнают, как простые селяне себя в огне чувствовали, о чем дети перед смертью думали…

– Понял, товарищ майор. Высылаю отделение. Конец связи?

– Как выполнишь, прикончишь их, доложи! Конец связи.

Я сразу подозвал к себе командира второго отделения младшего сержанта Виталия Абакумова, приказал взять пятерых бойцов и бегом отправиться к воротам ущелья, встретить там вертолет, получить огнеметы и так же бегом доставить их во взвод.

– Вертолет, видимо, придется немного подождать. Бегом! Марш!

– Понял, товарищ старший лейтенант. Работаю…

Младший сержант Абакумов, хотя по своей спортивной профессии был вовсе не бегуном, а мастером спорта по боксу, имел во взводе самые быстрые ноги и умел при необходимости бегать быстрее легкоатлетов. Даже в полной экипировке.

* * *

Абакумов со своей группой вернулся в расчетное время. Бегал он, конечно, быстро, но в этот раз бежал не один, и бойцы взвода сдерживали скорость младшего сержанта. Хотя он взял с собой лучших бегунов, а вовсе не лучших стрелков и не лучших «рукопашников». Тем не менее я считал, что нам спешить некуда, и потому нетерпения не проявлял.

Дальше все шло прозаически просто. Противника мы не видели, значит, ужасаться его жуткой жареной смертью не могли и осторожно, выставив вперед саперов, поднялись до первой, главной галереи. Оттуда можно было уже сжигать все содержимое боковых галерей.

Огнемет при всей своей простоте, в отличие, скажем, от того же гранатомета, все же требует более уважительного отношения к соблюдению мер собственной безопасности. И потому первым огнеметчиком я назначил штатного гранатометчика взвода ефрейтора Лутченко, вторым назначил себя, как человека во всем ответственного и имеющего опыт применения огнемета, пусть и в учебных стрельбах. Третьим стал мой замкомвзвода старший сержант Слава Петрушкин. Ну и оставшиеся три тубы я вручил без торжественной обстановки командирам трех отделений взвода: сержанту Собакину, младшему сержанту Абакумову и младшему сержанту Котенкину.

Кстати, у меня иногда спрашивают другие офицеры, как во взводе уживаются сержант Собакин и младший сержант Котенкин. Я отвечаю просто: «Как кошка с собакой. У меня в доме, например, кот с собакой друг без друга жить не могут, даже спят обнявшись. Сержанты, правда, не обнимаются и спят по отдельности, но дружат».

Такой ответ снимал все дополнительные вопросы. А вообще, у нас во взводе на внутренние отношения никак не могут повлиять ни фамилия человека, ни национальность, ни вероисповедание, ни внешность. Мои бойцы со смертью встречаются слишком часто и потому не обращают внимания на те мелочи, которые мешают им чувствовать себя боевой единицей, сами надеются на подстраховку того, кто идет рядом, и в свою очередь страхуют товарища.

Мы заняли позиции в главной галерее. Внутривзводная связь комплекта экипировки «Ратник» позволяла мне отдавать команды даже вполголоса. Весь остальной взвод я отослал ниже по склону и приказал сдвинуться в сторону.

Дело в том, что карта показывала только в трех из шести боковых галерей наличие подземных залов. Один из них был даже с собственным озером, содержащим запас питьевой воды. Три же боковые галереи, хотя и были продолжительными, все же никуда не вели. То есть завершались тупиками.

Была вероятность «обратного удара», когда после взрыва огненная смесь двинется в обратную сторону, в ту именно, где встретит наименьшее сопротивление. И может, не успев сгореть полностью, выбросить часть пламени из входа. И даже выбросить достаточно далеко, в само ущелье.

Потому и возникла мысль ради осторожности убрать взвод на безопасную позицию. Опасные галереи я выбрал для себя, для гранатометчика и для старшего сержанта Петрушкина, предупредив всех о возможности «обратного удара». То есть стрелять необходимо было из-за угла и сразу после выстрела самому за угол прятаться.

Для себя я выбрал самую сложную галерею, имеющую множество поворотов, где следовало вслепую рассчитать траекторию полета термобарической гранаты, чтобы она угодила в наиболее отдаленный из возможных углов на этих поворотах.

– Готовы?

– Готовы, – за всех ответил гранатометчик Лутченко.

– Огонь!

По звуку выстрелы мало походили на выстрелы из гранатометов, были значительно слабее и, я бы сказал, какими-то злобно шипящими, тем не менее я знал их разрушительную силу, особенно в закрытых пространствах – в помещениях или пещерах.

Выделить собственный выстрел из шести других я сумел только по отдаче. Гранаты все послали одновременно. Но взрывы прозвучали в разное время, некоторые из них, по крайней мере четыре, слились в один, и в итоге слышимыми стали только три взрыва.

Как отдающий команду к общей стрельбе, я имел возможность дольше других готовиться и высчитывать, а карта пещеры имелась на планшетнике у каждого – и на моем, офицерском, и на солдатских упрощенных, которые еще называются приемоиндикаторами. И каждый знал, куда ему следует посылать гранату.

Я думаю, никто не промахнулся и не угодил в ближайший поворот, хотя из двух проходов все же полыхнуло пламя, и полыхнуло весьма солидно, значит, я не зря предупреждал своих огнеметчиков об осторожности. Но там и проходы были тупиковыми, непродолжительными.

Мой проход тоже был тупиковым, но все же более продолжительным и, может быть, потому более извилистым. Я успел прицелиться тщательно, ориентируясь строго по планшетнику, который на карте показывал еще и компас, и гироскоп. Удобное крепление на ремне, перекинутом через шею, позволяло это сделать. Моя граната взорвалась где-то в глубине, не выбросив из галереи никакого огня, только волну запаха химической гари, словно там, в глубине, жгли пластмассу.

В трех глубоких галереях, имеющих внутренние залы, взрывы тоже не выбросили на поверхность пламени. Но даже там, где было расположено озеро с водой, пригодной для питья, просто не могло теперь остаться ничего живого. И даже вода стала для людей ядовитой, хотя и ненадолго. Озеро это проточное, хотя и подземное, а подземные водоемы часто бывают проточными только в период паводка, когда уровень воды в них достигает какой-то определенной высоты и добирается до выхода на поверхность через щели в камнях или вымывая между ними для себя новое русло. Воде это нетрудно.

Как раз в той галерее, где находилось озеро, взрыв был наиболее звучным. Видимо, где-то там находился склад боеприпасов и взрывчатых веществ. Но если в обычной обстановке тротилом можно топить костер, используя его вместо дров, и он будет гореть, но не взрываться, то, попав в облако термобарического взрыва, где температура превышает восемьсот градусов, он обязательно вызовет детонацию. Видимо, это и произошло в окрестностях подземного озера. Возможно, после взрыва последовало и обрушение сводов пещерного зала. Такой же эффект возможен и в других галереях. Это не есть хорошо. Хорошо, конечно, если бандитов раздавило. Но они и без того не выжили бы в пламени. Однако нам придется для отчетности вытаскивать тела из-под завалов, а каждый обвал вызывает за собой опасность следующего. Значит, придется своими жизнями рисковать, чтобы только доказать уничтожение банды.

Теперь пространство под хребтом и рядом с пещерой стало безопасным. И я пригласил взвод к себе. Конечно, можно было бы и доложить о выполнении задания и об уничтожении банды эмира Малика Абдурашидова. Но доклад этот потребует доказательств. Я вообще не имею привычки торопить события. И вызывать следственную бригаду, пока мы не обнаружили трупы бандитов, считаю преждевременным. Тем более что нас, скорее всего, могли обязать обгорелые тела выкапывать из-под завалов в пещере. Дело это не самое приятное. И я, как и бойцы взвода, предпочел бы получить новое срочное задание и вылететь на его выполнение, оставив дело по вытаскиванию обгоревших бандитских останков следственной бригаде. И потому я предпочел потянуть время. Но просто тянуть время, загорая в ущелье, было бы тоже не лучшим выходом из положения. Следовало пещеру обследовать. И я поставил задачу взводу.

* * *

Сам я возглавил группу, которая должна была обследовать ту галерею, в которую я стрелял. Перед тем как войти под своды, сделал по связи общее предупреждение:

– Требование ко всем! Соблюдать предельную осторожность. Взрывами, вероятно, разрушены какие-то горные структуры, возможно, где-то произошли частичные, а может быть, и полные обвалы. В такие места лучше не соваться. Проверка связи каждые две минуты. Вперед!

Я пошел, как обычно, первым. И уже через двадцать шагов почувствовал, что дышать становится трудно. Кислород в галерее выгорел. Но вызывало удивление то, что пространство пещеры не стремилось быстро заполниться новым кислородом. Боковые галереи ведь уходили ниже уровня главной галереи, а кислород, как газ, который тяжелее воздуха, должен стремиться вниз. Но стремился он излишне медленно. И потому я, одновременно проверяя связь, дал команду:

– Взвод, внимание! Проверка связи! Все слышат нормально?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, слышу отлично, – первым отозвался старший сержант Петрушкин из соседней галереи. Следом за ним и другие командиры групп подтвердили работу связи.

Но у меня был и другой вопрос, не менее важный:

– Я, по мере углубления в галерею, начал ощущать недостаток кислорода. Он очень медленно заполняет пространство. У других есть такое же ощущение?

– Так точно, есть нехватка кислорода, – согласился командир первого отделения сержант Толя Собакин. – Даже дышать сложно.

– И у нас то же самое, – подтвердил младший сержант Абакумов.

– И у нас…

– И у нас…

Подтверждение пришло из всех пяти оставшихся галерей. Я принял решение не торопиться.

– Взвод! Всем остановиться. Отдыхаем. Подождем минут тридцать – сорок. За это время атмосфера должна восстановиться. Смотреть внимательно, чтобы на голову ничего не свалилось. И – не спать.

Я отвалил от стены большой камень-валун и сел на него. Старая истина, что ждать и догонять – сложнее всего, сработала и в этот раз. Стали появляться мысли о том, что банда эмира Малика Абдурашидова смогла каким-то образом уцелеть и теперь готовит засаду на ту из моих групп, что к ним приближается. Я прикинул по карте наиболее выгодное для расположения базы место и пришел к выводу, что база могла бы быть создана только там, где есть озеро с питьевой водой. Вернее, было озеро с питьевой водой, потому что после взрыва термобарической гранаты вода в озере перестала быть питьевой. В той галерее, что досталась для осмотра мне и моей группе, остро пахло горелой пластмассой. Наверное, так же пахло и в других галереях. Скорее всего, и вода в озере имела точно такой же запах. Туда, к озеру, выдвигался сержант Собакин со своей группой.

– Собакин, Толя, – позвал я.

– Слушаю, товарищ старший лейтенант. Я с группой у себя в галерее.

– Информация для всей твоей группы. Повышенная осторожность… Вдруг кто-то из бандитов уцелел! Прислушивайся, может, звук какой будет.

– Теоретически это возможно? – задал сержант вопрос на мое предположение.

– Только если укрыться в герметично закрытом помещении. Но бандиты могли знать о том, что в пещерах спецназ ГРУ обычно применяет огнеметы. И для страховки, возможно,

что-то такое себе построили. Эмир у них хитрый и грамотный. Хотя это должно быть сложное инженерное сооружение. Не уверен, что у них имеется возможность такого строительства.

– Понял. Буду смотреть. Но если они укрылись там, то должны выходить не в засаду, а нам за спину, чтобы бить наверняка.

– Согласен. Это вероятный вариант.

– Тогда я растяну группу в цепочку, чтобы все шли на дистанции нескольких метров друг от друга. Думаю, пяти метров хватит. И будем по пути простукивать стены.

– Правильное решение. Одобряю.

За разговором прошла еще минута. Но ждать все больше и больше надоедало. Я встал и сделал два десятка шагов под уклон галереи. Мне показалось, что дышать там уже можно. Хотя запах паленой пластмассы словно бы стал явственнее. Я посмотрел на часы. Перерыв в движении длился уже двадцать две минуты. Очень хотелось двинуться вперед. Но я помнил, что сам установил срок. И подавать солдатам дурной пример невыдержанности я не желал. И потому снова вернулся к своему камню и сел на него. Твердо решил выждать оставшиеся восемь минут.

Чтобы убить время, я даже начал про себя считать секунды. Так эти секунды обычно быстрее проходят. Прошли и восемь минут… И даже больше, потому что перерыв я задавал на тридцать – сорок минут. И, чтобы подчеркнуть свою неторопливость, я еще пару минут выждал. И только после этого решил, что можно двигаться.

Мы пошли. Тепловизионные предобъективные насадки на наших оптических прицелах делали автоматы «глазастыми», мы смотрели на каждый поворот галереи, прежде чем приблизиться к нему. И хотя вся галерея была горячей для классического обзора, я, обернувшись, посмотрел в прицел на замыкающего группу бойца и увидел, что человек в данном случае выглядит темно-красным. Вернее, не сам человек, а только его лицо и кисти рук, которые не были прикрыты костюмом экипировки «Ратник», не пропускающим тепло. Этого было достаточно, чтобы понять, как будет выглядеть свечение человеческого тела за поворотом, если оно там появится.

– Товарищ старший лейтенант, у нас находка… – сообщил младший сержант Котенкин. – Два человеческих тела. Обгорели сильно, но полностью сгореть не успели. Однако мумию из них уже не сделать. У них даже автоматы сгорели и патроны в автоматах взорвались. Автоматы еще теплые – металл долго остывает.

– Отметь на карте место находки, – приказал я. И тут же отметка появилась на мониторе моего планшетника. Долго не думая, я написал пару сопроводительных фраз и отправил начальнику штаба сводного отряда майору Арцегову.

Группа Котенкина исследовала как раз ту галерею, что имела выход к подземному озеру.

Тем временем моя группа добралась до тупикового участка, как он и обозначался на карте. Дальше идти было некуда. Мы внимательно осмотрели и простучали всю тупиковую стену в поисках возможного убежища. И ничего не нашли. Ни одного обгорелого бандитского тела нам не попалось. Видимо, эта галерея не пользовалась у бандитов популярностью. Здесь даже выстиранные носки никто не сушил.

Но были еще две короткие галереи, и оттуда сразу же пришло два сообщения. Сначала доложил гранатометчик ефрейтор Лутченко, потом и замкомвзвода старший сержант Петрушкин. Смысл в докладах был один и тот же – никаких признаков бандитов обнаружено не было. Группы возвращались ни с чем.

Но отрицательный результат тоже обычно считается результатом. И вообще, трудно было рассчитывать, что бандиты спрячутся именно в коротких тупиковых галереях. Они имели время для изучения пещеры и знали там, скорее всего, каждый камень, каждый пово-

рот и каждую щель. Знали, что в этих галереях, особенно в крайней левой, где стены прямые и почти ровные, словно рукотворные, даже спрятаться негде.

Но куда бандиты могли двинуться? Скорее всего, как мне казалось, они пошли бы к подземному озеру. Но я предполагал, что это мое мнение вызвано тем, что младший сержант Котенкин со своей группой нашел два обгорелых бандитских тела именно в этой галерее.

С одной стороны, наличие двух тел, без сомнений, наводило на такую мысль, почти навязывало ее. С другой стороны, эмир Малик был чрезвычайно хитрым человеком и мог оставить людей там для отвлечения внимания. Однако про него говорили, что он своих людей берег и дорожил их жизнями. Но в этом случае получалось, что он оставил двоих бандитов на верную смерть. Даже если он не знал о возможности применения огнеметов, если не верил в наше преимущество в боевой подготовке и превозносил такие же качества у своих людей, в любом случае эмир Малик обязан был понимать преимущество спецназа в вооружении. И если мы в открытом бою уничтожили семерых его людей, не понеся никакого урона в своих рядах, то двое тем более не могли бы нам противостоять.

Они были оставлены для того только, чтобы погибнуть. Или же должны были ввести нас в заблуждение. Но все равно даже при втором варианте они были приговорены эмиром к смерти за свои собственные интересы.

Выходит, все рассказы о том, что Абдурашидов своих людей бережет, – очередная утка! Впрочем, здесь я могу ошибаться. Я незнаком с порядками в банде, как незнаком с бандитами, ни с этими, ни с другими. Я привык уничтожать их и только после уничтожения просматриваю документы, чтобы узнать имя. А о характере и об отношении каждого к жизни я их не спрашиваю. У меня даже возможности такой не имеется. И вполне может статься так, что эти двое сами вызвались остаться и принять бой. Может быть, они были ранены или травмированы и только сдерживали передвижение остальных. А потом огонь скрыл следы ранений. Хотя по большому счету спешить и бежать бандитам было некуда. Может быть, рассчитывали все же спрятаться. Но проникающий термобарический взрыв везде должен был их найти. И теперь искать тела предстояло нам, чтобы дать командованию и следственным органам точную информацию об уничтожении опасной банды.

С бойцами, которые закончили осмотр отведенных им боковых галерей, мы встретились в главной галерее и сразу все вместе присоединились к группе младшего сержанта Котенкина, догнав ее в самой подозрительной галерее.

Я взял всех именно в эту галерею, потому что считал ее наиболее вероятным местом, где бандиты могли спрятаться. По пути я заодно посмотрел на два бандитских тела, что были найдены группой, сфотографировал их, пока бойцы подсвечивали мне тактическими фонарями, и приготовил фотографию для отправки в штаб сводного отряда, хотя сразу и не отправил, дожидаясь, когда придется отправлять еще что-то.

Искать у убитых документы смысла не было, поскольку документы если и были, то сгорели вместе с одеждой и большей частью плоти. Сейчас тела, как определил Котенкин, уже не годились даже на изготовление мумий, резко пахло паленым мясом, топленым жиром и, особенно резко, паленными костями. Впрочем, эти запахи почти забивались запахом паленой пластмассы или другой какой-то химии, которой была начинена термобарическая граната.

В нашей галерее такого сильного запаха не было. Вероятно, здесь запах держался дольше из-за повышенной влажности воздуха. Подземное озеро оказалось к моменту нашего соединения с группой Котенкина совсем рядом, и запах, видимо, цеплялся за воду, частично растворившись в ней, ее собою подпитав и, в обратном порядке, от воды уже сам подпитываясь.

Теперь, после соединения четырех групп, поиск был значительно облегчен. Это, однако, не лишало бойцов внимательности. Я видел, что никто из них не уступает мне в

тщательности. Особое внимание привлекла тупиковая стена, наверное, потому, что дальше бандитам податься было некуда.

И, как оказалось, внимание это не было напрасным.

– Товарищ старший лейтенант, посмотрите, – позвал меня рядовой срочной службы Сысоев. – Что-то здесь непонятное…

Я подошел ближе и подсветил тактическим фонарем, установленным под стволом моего автомата «АК-12», хотя Сысоев светил туда же своим тактическим фонарем. Но два фонаря все же освещали лучше. Тем более что фонарь Сысоева был включен на градацию рассеянного «лунного света», а мой бил концентрированной точкой. И я сразу увидел то, что показывал мне рядовой. В камне было углубление, по краям которого отчетливо проступали следы зубила. Углубление было выдолблено, а в центре…

– Замочная скважина! – определил я и постучал прикладом в камни вокруг замочной скважины. Но звуки везде были одинаковые, точно такие же, как от других стен.

Сразу возникла мысль, что здесь установлена металлическая дверь, обложенная поверху камнями. Однако слой камней должен был быть слишком толстым, чтобы звук был такой же, как при ударе в стену. Чрезвычайно толстым. Следовательно, дверь должна иметь мощные металлические петли. Например, такие же, как в металлических гаражных воротах. А чтобы открыть ее, требовались усилия, наверное, всех бандитов. Я стал искать очертания самой двери.

– Нашли что-то, товарищ старший лейтенант? – по связи спросил из соседней галереи сержант Собакин.

– Абакумов, Собакин! – дал я команду, будучи уверен, что нашел какую-то то ли камеру, где бандиты могли укрыться, то ли дверь в неизвестный выход из пещеры. Скорее второе, потому что в первом случае взрывная смесь, несомая гранатой огнемета, могла бы и через замочную скважину пройти, и через другие щели, которые наверняка должны здесь быть. – Быстро снимайте свои группы, и – ко мне! Я с группой Котенкина.

Наушники донесли распоряжения командиров отделений. Оба они снялись со своих галерей, не завершив осмотр до конца, и устремились ко мне. Мой приказ был естественным, поскольку я предполагал скорое начало боя на короткой дистанции или преследование ушедшей банды.

К тому же у нас во взводе только у младшего сержанта Абакумова, насколько я помнил, был с собой набор отмычек, хотя пользоваться ими умели все сержанты и я как командир взвода. Мы проходили обучение этой непростой технической науке. Оставалось ждать.

Но ждать пришлось недолго. Уже через восемь минут бойцы двух групп цепочкой спустились на берег подземного озера, обошли его сбоку и присоединились к нам.

– Виталий! – позвал я Абакумова и показал лучом фонаря на замочную скважину. – Справиться сможешь?

Младший сержант неуверенно пожал плечами.

– Постараюсь… Сразу сложность замка определить не могу.

Я отодвинулся в сторону, за мной отодвинулся и рядовой Сысоев. Но тактическими фонарями мы все же подсвечивали, как и раньше.

Абакумов, прикусив нижнюю губу, старался минуты две. Наконец, выпрямился.

– Готово.

– Что – «готово»?

– Замок открыл.

– А дверь?

– А я ее не вижу… Может быть, она и есть, но я не вижу…

Искать дверь принялись все, кто был рядом. Но не смогли обнаружить даже щелки. Вставал вопрос: как же эту дверь открывать в случае необходимости? Только с обратной стороны? Но для этого требуется как-то туда попасть. Или там постоянно кто-то находился?

Что там мог быть какой-то робот, открывающий дверь в стене, я даже не подумал. Не те условия жизни у боевиков, чтобы роботов использовать. Но какое-то хитрое приспособление было. Возможно, требовалось нажать на какой-то небольшой камень или на определенный угол большого камня.

Искать такой хитрый механизм можно было до следующего утра. А размышлять о том, как он устроен, – целый месяц. И потому я принял кардинальное решение.

– Юра! Васильков! – позвал я взводного сапера.

Младший сержант тут же выступил из-за моей спины и встал рядом.

– У тебя найдется чем такую дверь проломить?

– Без проблем. – Васильков снял с плеч рюкзак. – Только все подальше отойдите. Видите, как здесь камни нависают. Тряхнет – всех раздавит.

– Все в галерею! – приказал я.

Солдаты быстро выполнили приказ. Путь до галереи был недлинным – только обойти по берегу подземное озеро, и сразу большое круглое отверстие галереи будет перед тобой.

Я остался вместе с Васильковым, наблюдал, как он выставляет две мощные двухсотграммовые тротиловые шашки, ставит взрыватели в гнезда и разматывает провода. Они протянулись до самой галереи.

Конечно, радиоуправляемые взрыватели удобнее, и установить взрывное устройство можно быстрее. Но у младшего сержанта, как я знал, был только один такой взрыватель, и он берег его на крайний случай. Пока, видимо, этот крайний случай не наступил.

Мы вместе с младшим сержантом размотали провода и углубились в галерею. Бойцы взвода стояли у самого выхода.

– Кто не хочет получить камнем в лоб, может подальше отойти, – доходчиво объяснил сапер. Бойцы поняли и попятились, спрятались за поворотом, не дожидаясь, когда я тоже выскажу предупреждение.

Васильков вытащил из рюкзака аккумулятор, вставил в гнезда клеммы провода и посмотрел на меня с вопросом:

– Взрываем?

– Погнали!

Сапер нажал кнопку выключателя. Взрыв раздался сразу же. И даже вода озера не погасила его звук, ударивший нам по ушам. Я сам и все бойцы взвода были в шлемах, а под шлемами уши плотно закрывались наушниками. И мы легко перенесли удар звуковой волны, вылетавшей через галерею на поверхность. Правда, отдельные камушки и пыль все же полетели нам на головы и за противоосколочные воротники бронежилетов.

Следом за взрывом раздался сильный грохот и поднялось облако пыли, накрывшее, по сути дела, все зеркало подземного озера. До нас, впрочем, облако пыли не дошло каких-то метра три. Как и предупреждал младший сержант Васильков, обрушились верхние неустойчивые камни, что нависали над дверью. Так могло и проход закрыть.

Я поднял прицел, чтобы рассмотреть, что там произошло. Тепловизору не мешали ни пыль, ни дым. Но открывшегося прохода я не обнаружил.

– Завалило, что ли? – спросил я сам себя.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, – ответил мне младший сержант Абакумов, как и я, рассматривающий пространство в тепловизионный прицел. – Мне сразу показалось, что там только замок в камнях установлен, а двери никакой нет, еще когда я отмычками работал. Нет там двери. Надо в других галереях искать…

– Если так, то эмир Малик перехитрил нас и устроил ловушку, надеясь, что взвод камнями завалит. Даже если и не завалит, то время будет потеряно.

Я двинулся вперед, прямо в пылевое облако, но предварительно опустил со шлема на глаза противоосколочные очки, чтобы беспрестанно не моргать и не протирать глаза.

За мной двинулся старший сержант Петрушкин, знаком раскрытой ладони за спиной остановивший других бойцов. Он и нашел камень, вывороченный взрывом. Более того, камень не только выворотило, его еще и раскололо на три части.

Я подсветил тактическим фонарем, чтобы посмотреть на сколы. Там было заметно наличие цемента. Все стало ясно. Бандиты просто раскололи каким-то образом камень, вставили внутрь замок, сделали видимую для глаза замочную скважину, чтобы отвлечь наше внимание. А двери здесь не было никогда.

– Быстро! Всем в оставшиеся галереи! – дал я команду. – Осторожно! Бандиты могли выйти на поверхность, чтобы атаковать нас в спину.

Мы со старшим сержантом побежали, аккуратно ставя ноги в еще не осевшую пыль, чтобы не споткнуться, и быстро догнали взвод.

Командиры отделений, просчитав ситуацию, без моего вмешательства разделили взвод на две группы, бежавшие колоннами рядом. У нас так положено: когда командир что-то не успевает сделать или до чего-то не додумывается, хорошо подготовленные сержанты делают это за него. Командир при этом обычно не возражает, хотя, бывает, и поправки в действия вносит. Но сержанты – это тоже младшие командиры, и они должны уметь командовать.

Взвод безостановочно бежал к выходу в главную галерею. Причем ведущие убегали вперед, становились на одно колено, прикладывались глазом к прицелу, страхуя таким образом товарищей, и не отрывались от него, пока колонна не пробегала мимо и следующий боец, став ведущим, занимал место предыдущего, принимая страховку на себя. Бывший же ведущий пристраивался в конец колонны. Это все было отработано на тренировочных занятиях до автоматизма, и никому объяснять надобность того или иного действия не надо было. Армейский механизм спецназа работал четко, без сбоев, которые иногда даже часам свойственны.

Мы со старшим сержантом Петрушкиным сразу разделили, даже не посоветовавшись, колонны между собой. Я побежал рядом с одной, Петрушкин – рядом с другой. И так до самого выхода. Там, снова не дожидаясь команды, по паре бойцов-левшей[3] от каждой колонны, предварительно выглянув за поворот, перебежали на противоположную сторону главной галереи, где стена была разрушена, и залегли среди камней. Четверка правшей, прижавшись к камням на повороте, тоже приступила к контролю своего сектора.

– У нас чисто, – доложили левши.

– У нас тоже, – присоединились к ним правши.

– Выходим, – дал я команду и продвинулся вперед вместе с Петрушкиным.

Но в главную галерею старший сержант за мной не вышел. Так положено: если командир идет впереди, его заместитель замыкает строй или колонну. Случись что с командиром, заместитель всегда готов занять его место.

В главную галерею мы вырвались одновременно двумя колоннами и сразу устремились к нужным боковым галереям, где осмотр не был завершен. Я со своей колонной свернул в ближайшую. Сержант Собакин увел вторую колонну в следующую, где и раньше находился. Старший сержант Петрушкин замыкал вторую колонну, но уже в самой галерее должен был возглавить ее.

---

[3] В данном случае левшой называется не тот боец, который лучше работает левой рукой, а тот, который при стрельбе зажмуривает правый глаз и приклад прижимает к левому плечу. Количество правшей и левшей в стрельбе считается примерно равным в любом подразделении.

– Абакумов! – позвал я командира второго отделения. – Показывай, где осмотр завершил.

Младший сержант тут же оказался впереди меня. Переход через темную галерею проходил по уже привычной схеме. Тактическими фонарями никто не пользовался, чтобы не вызвать светом встречную автоматную очередь. Пользовались тепловизионными прицелами. Но впереди все равно шел сапер, который опустил на глаза очки ночного видения. Конечно, они только назывались очками, а в действительности больше напоминали небольшой театральный бинокль, который своим весом давил на нос и у меня лично создавал определенный дискомфорт.

Впрочем, обращать внимание на дискомфорт мы не привыкли. Тем более спецназовцу не пристало жаловаться на него. Но после работы в темных помещениях или ночью у сапера обычно возникали пятна на носу – следы потертостей. Однако сапер понимал, что искать мину с помощью прицела оружия не просто смешно, но даже невозможно. Оптический прицел так устроен, что смотрит далеко. А если с его помощью смотреть себе под ноги или чуть вперед, то мало что увидишь.

Фонарь же привлекает слишком явное внимание своим светом, который бывает видно даже из-за угла. А если взрывное устройство все же попадется, обезвреживать его сапер предпочитает вслепую. Именно для этого на занятиях по минному делу используются черные повязки на глаза.

Но мины нам пока не встречались. Скорее всего, у бандитов просто не было времени на их установку. Слишком сильно они ногами, руками и лопатками работали, убегая от нас, чтобы еще и мины успеть поставить. Семерых погибших в ущелье, на подступах к пещере, для банды вполне хватило. Да еще два обгоревших тела найдено в соседней боковой галерее. Значит, вместе с эмиром в строю у банды осталось только семь человек. Кстати, чем меньше людей останется, тем легче им будет спрятаться. Эта истина работала в отношении других банд, когда эмиры легко посылали бойцов на гибель ради своего собственного спасения. Поговаривали, что эмир Малик Абдурашидов не такой. Но жить, скорее всего, и он хочет. Или захочет впоследствии и потому подставит вместо себя других.

Мины в галерее нам так и не попались. Видимо, в банде погиб штатный сапер. Или еще какие-то обстоятельства возникли. Я против таких обстоятельств не возражал.

Мы добрались до тупика, не встретив сопротивления, и уже в самом конце галереи, войдя в небольшой зал, внимательно осмотрели его и смогли включить тактические фонари, которые сначала сильно слепили, хотя все работали на самой слабой градации рассеянного освещения – на «лунном свете».

– Внимательный осмотр! – потребовал я. – Каждый камень обнюхать и облизать! Искать проход…

– Есть проход, товарищ старший лейтенант! – доложил из соседней галереи старший сержант Петрушкин. – Они здесь ушли в соседнее ущелье…

– Понял. Начинай осторожное преследование. Сапера вперед! Мы идем к вам.

Возвращались мы в главную галерею уже совсем не в том темпе, в котором покидали галерею с подземным озером. Теперь скорость была практически предельно допустимой. Это была скорость преследования, хотя об осторожности мы тоже не забывали, и по-прежнему каждый ведущий, кроме меня, останавливался и просматривал пространство впереди через прицел. Однажды даже выстрел прозвучал, заставивший всю колонну остановиться. Но тут же последовал успокаивающий ответ от солдата:

– Крыса галерею перебежала, товарищ старший лейтенант. Нечаянно выстрелил, на движение… Готов был на любое движение стрелять.

Я понимал напряжение каждого солдата, его готовность встретить опасность выстрелами и потому отнесся к лишнему выстрелу спокойно.

– Не промахнулся хоть?

– Из одной крысы две, товарищ старший лейтенант, сделал. Пополам ее пулей разорвал. Одна половина, та, что с головой осталась, еще шевелится… Живучая, гадость…

– И за то тебе большое спасибо бандиты скажут. Меньше крысаков будет у них харчи воровать… Здесь, наверное, этих тварей полным-полно. Я сам пару штук видел.

Вообще-то я видел уже четырех крыс, но ни по одной из них стрелять не стал. Однако не следует сравнивать выдержку офицера и солдата-призывника. Между нами большая разница. К тому же крыс я видел не в прицел подготовленного к стрельбе автомата, а в тепловизионный бинокль и потому имел время осознать, что перед моими глазами. То есть я не был настроен в те моменты, как сейчас солдат, стрелять на любое движение. Однако говорить про четырех крыс я тоже не стал. Две – еще куда ни шло, а четыре – это уже много. И неизвестно, как солдаты к крысам отнесутся. Если даже меня самого при их виде брезгливость охватывает, что о солдатах говорить!

Мы продолжили движение в том же высоком темпе, и задержка на несколько секунд не выбила колонну из колеи. Переход в соседнюю боковую галерею совершался с теми же предосторожностями, что и раньше, только теперь уже выставлялось на страховку не по четыре человека от каждой колонны, а по два – один левша и один правша.

Сам переход был коротким и стремительным. И спускались мы в галерею, имеющую значительный уклон, тоже быстро, поскольку этот путь уже был проверен и нам было необходимо только догнать группу старшего сержанта Петрушкина. Я даже разрешил использовать тактические фонари. Это еще добавило скорости. Тем не менее когда мы спустились до стены, то уже никого из бойцов колонны старшего сержанта не обнаружили. Они всем составом устремились в погоню.

Ситуация сложилась явно неоднозначная. Бандиты имели возможность выйти и до того, как мы применили огнеметы, но могли и опоздать. Если вышли, догнать их уже, вероятно, невозможно, поскольку неизвестно даже направление, в котором они двинулись, а приоритетных направлений существует множество.

Если опоздали, то термобарическая смесь проникла в проход, и бандиты сгорели. Тела, скорее всего, и пытается сейчас найти старший сержант Петрушкин. Это было бы удачным завершением всей операции.

Проход в обычной обстановке, видимо, был просто завален камнями. Откатить их в сторону было несложным делом одной минуты. А вот закрыть его за собой бандиты возможности не имели. Но они, оттягивая время расплаты за преступления и расходуя наше время, выставили пару человек в соседней галерее. Это было сделано, видимо, в последний момент.

Но загодя был подготовлен еще один вариант дезинформации – с замочной скважиной в камне. Там мы, конечно, задержались на добрых пятнадцать минут. Но это ничего не решало, поскольку огнеметы были использованы раньше, и банда должна была бы раньше попасть под пламя. Но потерянные пятнадцать минут вполне могли бы помочь бандитам уйти далеко. Многое зависело и от длины «черного хода».

Было у бандитов в запасе еще и сорок минут, которые мы потратили на ожидание вертолета, что доставил нам огнеметы. Так что они вполне могли убежать и скрыться от возмездия.

Но проверить это стоило. И я повел свою часть взвода вдогонку за старшим сержантом Петрушкиным, чтобы на месте самому принять решение, стоит ли пытаться искать банду или это дело бесполезное и с неуничтожением ее стоит смириться. Именно потому я не стал запрашивать у старшего сержанта результат поиска по связи, хотя это казалось самым простым и естественным делом в нашем положении.

Но Петрушкин сам вышел на связь, едва мы вступили в проход:

– Товарищ старший лейтенант, мы опоздали…

– Спасибо, обрадовал. Преследование?

– Я как раз сейчас смотрю карту. Выходили они, думаю, из ущелья. Но и это только мое предположение. Но, вероятно, вышли. Сразу за выходом из прохода небольшая терраса, а к ней тропа выходит. Тропа только в одну сторону, к воротам ущелья. Потому я и подумал так. А вот куда дальше двинулись, неизвестно. Могли хоть направо, хоть налево, хоть прямо. Налево и направо – в любое из ущелий свернут и спрячутся, а мы должны гадать, в какое именно. Если прямо двинули, то через двенадцать километров речка течет, по берегам кусты. Двенадцать километров они уже успели от страха мигом проскакать. Время у бандитов было. Там могли по речке двинуться хоть вверх по течению, хоть вниз. И там, в кустах, их только с вертолета и найти. И несколько сел поблизости. Если у них есть связи среди местных, их спрячут в любом сарае. Тогда и вертолет не найдет. Кроме того, вертолет будет искать через тепловизор, а тепловизор не отличит бандитов от местных жителей. Проблема, товарищ старший лейтенант…

– Понимаю, что проблема. Спрошу сейчас у начальника штаба его мнение. Если сможет, пусть вертолет на разведку пошлет. Еще лучше – высотный беспилотник.

– Нам что делать? Возвращаться?

– Мы в твою сторону было двинули. Но там, ты говоришь, и делать нечего. Возвращайся. Подумаем вместе, что предпринять…

Я сразу вызвал на связь майора Арцегова. Но он ничем помочь нам в поиске не мог. Вертолеты все были «в разгоне», собственных беспилотников у сводного отряда не было. Беспилотники время от времени присылали на испытания, но в последнее время их стали испытывать больше в Сирии, где в них была большущая надобность…

– И что делать, товарищ майор?

– Возвращаться. Дело для тебя в любом случае найдется. Какое-нибудь новое. У меня людей катастрофически не хватает. Я сейчас свяжусь со Следственным комитетом или со Следственным управлением ФСБ, поскольку банду Абдурашидова, кажется, они разрабатывали. Они вышлют своим вертолетом следственную бригаду. Как обычно, напишешь им рапорт о проделанной работе и пришлешь с их вертолетом. А пока вызывай свою группу наверх и сам поднимайся. Готовьтесь к возвращению…

Глава первая

Рапорт я написал, усевшись на прогретую солнцем землю, прислонившись спиной к такому же прогретому камню и положив свой офицерский планшет из нескольких слоев толстой кожи на колено и на самом планшете пристроив лист бумаги. Написал достаточно быстро, хотя текст занял полторы страницы.

Встречать вертолеты мы всем взводом вышли к воротам ущелья, туда, где совершал посадку «Ми-28Н», что привозил нам огнеметы.

Прилетела, как майор Арцегов и предполагал, следственная бригада ФСБ, которую возглавлял старший следователь Следственного управления ФСБ подполковник Соликамский. Мы с Федором Юрьевичем были поверхностно знакомы, поскольку он пару раз выезжал на объекты после операций, проводимых моим взводом, и не был таким придирчивым человеком, как следователи местного Следственного комитета, всегда предвзято, как я считаю, относящиеся к сводному отряду спецназа ГРУ.

С Федором Юрьевичем сотрудничать было приятно. Он никогда не заставлял спецназовцев делать работу следственной бригады, не просил перенести трупы убитых бандитов в одно место, где их удобнее будет осматривать, и не предъявлял никаких претензий по поводу того, что трупы трудно опознать.

А такие ситуации случаются сплошь и рядом, когда, например, работают снайперы взвода. В Следственном комитете специалисты не желали признавать за снайперами право стрелять в голову и не брали во внимание тот факт, что бандиты тоже иногда имеют желание жить и прячутся от пуль, выставляя из укрытия только голову. В эту единственную цель и стреляет снайпер, поскольку другие участки тела для него недоступны. А после выстрела из современных винтовок, большинство из которых крупнокалиберные, голова разлетается на куски.

Следователей тоже можно понять, они предпочитают проводить идентификацию убитых бандитов по лицу. Когда в кармане убитого есть документы, отыскиваются родственники и юридически допустимым считается процесс опознания убитого соплеменника.

А если у человека отсутствует голова, то приходится проводить достаточно длительную и дорогую генетическую экспертизу, что следователям никогда не нравится. Следователи ФСБ в этом вопросе более терпимы по той причине, что понимают снайпинг правильно. Все-таки у них звания военные, а не служебные, и они ближе к армии, чем к юстиции, хотя обычно и имеют юридическое образование вместо военного.

К тому же следственная бригада ФСБ обычно прилетает со своей охраной из состава спецназа ФСБ, тогда как следователи Следственного комитета, если им не досталось охраны из состава Росгвардии, СОБРа или ОМОНа, часто просят нас выступить в этой роли. Причем «просят» – это в данном случае самая мягкая характеристика понятия «требуют». А бойцы спецназа ГРУ привыкли к любому порученному делу относиться серьезно и роль охраны выполняют на совесть. В результате после трудной боевой операции не успевают отдохнуть. Хотя практика говорит, что вылет на следующую такую же боевую операцию может последовать прямо с места завершения предыдущей.

Но даже в случае, когда работать приходится со следственной бригадой ФСБ, взводу вылететь сразу на отдых никогда не удается, потому что руководителя следственной бригады необходимо в дополнение к прочтению письменного рапорта, к пояснению непонятно написанных или невнятно высказанных моментов провести по местам недавних событий, все показать и рассказать, тыкая пальцем в конкретные места. А он будет все записывать. И хорошо, если запись ведется на диктофон или на видеокамеру, а если просто записывается

от руки, то потом приходится еще много раз уточнять формулировки, иначе в написанном читается совсем не то, что сказано.

Конечно, в таком деле задействован только командир взвода, а сам взвод можно было бы и на отдых отправить. Но уже был такой прецедент, когда командир взвода остался со следственной бригадой для уточнения деталей операции, а взвод в воздухе хотели развернуть и направить на новое задание. Однако без командира сделать это было невозможно. И потому подобная практика не нашла применения в широком масштабе. Просто взводу предлагалось отдыхать на земле, выставив, естественно, часового, и вылетать потом вместе с командиром. Да и сам взвод не всегда хотел оставлять своего командира в такой, например, ситуации, как наша, когда часть бандитов ушла неизвестно куда и всегда могла вернуться. По крайней мере, за свой взвод я уверен – они меня оставить не захотят.

Короче говоря, взвод отдыхал, старший сержант Петрушкин выставил часового, а я повел в ущелье старшего следователя подполковника ФСБ Соликамского, показывая ему на пальцах, как мы атаковали банду в ущелье, как выдавливали бандитов с заранее подготовленных позиций за счет преимущества в вооружении. Потом повел его в пещеру, объясняя ситуацию и необходимость каждого из своих действий.

С нами пошел капитан Тайгородов, командир группы спецназа ФСБ, выставленной в ущелье в качестве охраны следственной бригады. С капитаном мы были старые знакомые, хотя и не приятели, просто участвовали в нескольких совместных операциях и относились друг к другу с уважением. По крайней мере, я относился к Тайгородову так. Надеюсь, что и капитан испытывал ко мне схожие чувства. Хотя его непроницаемое лицо никаких эмоций не выдавало, только ярко-синие глаза изредка светились вместо улыбки.

Вся процедура передачи ущелья от боевого подразделения следственным органам заняла чуть больше часа. Но вылететь опять не удалось, потому что подполковник Соликамский уселся на камень рядом со мной, жестом потребовал, чтобы я снял шлем или отключил коммуникатор «Стрелец» от внутривзводной связи, и стал объяснять мне ситуацию. Капитан Тайгородов стоял рядом, и я понял, что он тоже в какой-то степени участник прошедших событий, о которых мне известно было очень мало.

Мне было известно только о нападении банды на село и о похищении денег Пенсионного фонда и комбината строительных конструкций. Оказалось, у банды была некоторая интересная предыстория. С ней капитан Тайгородов успел познакомиться в Сирии, когда был там в командировке и передавал конкретные данные на бандитов, уроженцев Дагестана, сирийским силам безопасности.

Но рассказывал об этом не сам капитан, а подполковник Соликамский. Может быть, посчитал, что рассказ капитана не будет выглядеть для меня таким же убедительным, как рассказ самого подполковника, поскольку капитан немногословен от природы. Тем не менее я узнал, что тогда, в присутствии капитана Тайгородова, банда эмира Малика Абдурашидова перешла передовую линию сирийских войск по вырытому собственными силами подземному ходу и, оказавшись в тылу правительственных войск, атаковала штаб и разведуправление армии. Во время атаки были убиты один амид[4], один лива[5], три акида[6] и еще целый ряд офицеров штаба. Тогда чудом остался в живых приехавший в штаб буквально за несколько минут до нападения мушир[7]. По всей вероятности, банда имела данные о его приезде и именно им интересовалась. Но тогда в разведуправлении армии случайно оказалось подразделение «Тигров» бригадного генерала Сухель аль-Хасана – это самое боеспособное

[4] Амид – воинское звание в Сирии, приравнивается к бригадному генералу.

[5] Лива – воинское звание в Сирии, приравнивается к генерал-майору.

[6] Акид – воинское звание в Сирии, приравнивается к полковнику.

[7] Мушир – воинское звание в Сирии, приравнивается к маршалу.

подразделение сирийской армии, их спецназ, наводящий на бандитов своими действиями настоящий страх.

«Тигры» приехали получать задание и угодили в опасное место – но именно они отбили атаку бандитов и перебили половину банды, которая вынуждена была уходить тем же подземным ходом, взрывая его позади себя, чтобы избежать преследования. При этом и сами рисковали остаться под завалами. Возможно, какая-то часть и осталась.

Маршрута подземного хода никто не знал, и потому взорвать его впереди возможности не было. А сам эмир Малик прославился своей хитростью еще там, в Сирии. Он и подземные ходы там копал всегда по непредсказуемому маршруту, чтобы избежать возможной ловушки. Не сам, конечно, копал, его люди выполняли то, что эмир Малик задумывал. И выполняли тщательно.

После этой неудачной, вернее, только наполовину удачной вылазки, после больших потерь Малик Абдурашидов решил с Сирией расстаться и вернуться в родные горы. Командование поддерживало идею возвращения, намереваясь создать напряженность в новых местах.

И он вернулся, о чем говорили данные сирийской и российской разведок. И уже вскоре отметился нападением на инкассаторов в селе Старый Бавтугай. Это говорило о том, что эмиру Малику не хватает финансовых средств. Но, насколько было известно в ФСБ, эмир приехал из Сирии с туго набитыми карманами. Даже сумма была известна. Тем не менее средств ему не хватало. Об этом же говорила и вторая вылазка банды – тогда нападению подверглось большое село, способное постоять за себя и имеющее значительные силы полиции и ФСБ.

Там Малик Абдурашидов опять не стал распыляться на действия против всех сил, что могли бы собрать в райцентре. Он сделал короткий рейд, сжег несколько домов, убил несколько человек, и в селе сначала подумали, что на этом все и кончилось. Никого не насторожило это нападение настолько, чтобы вызвать опасение повторения. А эмир, с присущей ему хитростью, все просчитал и нападение повторил. В первый раз его попытка ограбления инкассаторской машины закончилась неудачно. Но вторая попытка значительно пополнила финансовые запасы банды. Это уже давало направление поиска: эмиру Малику Абдурашидову не хватало средств. На что именно – не всем понятно. А понятно было только специалистам ФСБ, о чем они мне и рассказали.

Сам эмир считает, что во время нападения на инкассаторов в Старом Бавтугае он потерял двух человек. В действительности он потерял только одного. Второй был только тяжело ранен и сразу после захвата допрошен с применением спецсредств[8]. Само применение спецсредств дает только оперативную информацию и не принимается судами как доказательство. Однако ФСБ пока вообще не имела намерений передавать дело в суд и потому со спецсредствами не стеснялась.

Но бандит знал мало. Знал только, что Малик рассчитывает прочно обосноваться в Махачкале, по возможности легализоваться по подложным документам, может быть, даже жениться и женить всех членов банды, чтобы они не вызывали подозрений. А потом из Махачкалы перебраться в Москву, чтобы продолжить работать там. В Москве эмир рассчитывает заняться вполне легальным бизнесом. Это даст возможность осесть крепко и почув-

[8] Допрос с применением спецсредств – в качестве спецсредств обычно применяются так называемые развязыватели языков или, другое название, сыворотка правды, то есть психотропные препараты группы скополаминов или что-то подобное. Чаще всего использовались амитал натрия или пентотал натрия. Данные, добытые таким путем, не принимаются судами в качестве доказательства, но могут быть использованы в оперативной работе. А современные препараты вообще не требуют даже обстановки допроса, а подмешиваются в чай или в простую воду. Тем не менее работают они обычно не хуже старых и проверенных, вводимых с помощью инъекций в вену. К современным препаратам относят СП-26, СП-36, СП-108 и аналоги.

ствовать почву под ногами. А потом, когда он обретет вес и социальную значимость, уже вернуться к основной своей деятельности. С таким условием, как сказал раненый, эмира Малика Абдурашидова и отправляли из Сирии в Россию и даже частично профинансировали.

Дальнейшие допросы раненого бандита пока невозможны, врачи не допускают использование спецсредств до определенного уровня оздоровления. Сейчас раненый находится под надзором спецназа в отдельной палате больницы ФСБ.

Мне во время этого рассказа стали понятны некоторые данные о банде эмира Малика Абдурашидова, что дали мне в оперативном отделе. А я все думал, откуда пришли к оперативникам эти данные? Например, об обваленной стене пещеры. Теперь стало понятно. И еще стало понятно хладнокровное отношение старшего следователя Следственного управления ФСБ к тому, что двух бандитов из семи убитых в ущелье опознать пока сложно – их «сняли» наши два взводных снайпера. В обычной своей манере «сняли», оставив без головы. Но теперь и их будет кому опознать.

Исключение составляли два обгорелых трупа в галерее с подземным озером. Там потребуется проводить генетическую экспертизу, но даже она затруднительна, потому что неизвестно, чьих родственников следует привлекать.

Как я понял, в ФСБ рассчитывали получить от раненого поименный список банды. Может быть, на допросе с применением все тех же спецсредств. Тогда будет возможность определить по документам большинство убитых. Тех, кто уже убит и кто будет убит, убрать из списка, а оставшихся направить на экспертизу. Здесь уже потребуется привлекать не слишком большое количество родственников.

Но у меня тоже возникли чисто практические вопросы, которые следователи не задали раненому.

– Товарищ подполковник, у эмира Малика Абдурашидова наверняка есть осведомитель в селе. Иначе он не сумел бы так точно выйти на дома людей, которых планировал уничтожить. Уже одно то, что он знал о полицейской машине во дворе заместителя начальника райотдела, вызывает подозрение. И машины с деньгами он атаковал точно, строго в нужных местах.

– Да, старлей, мы это при проведении допроса не просчитали. Но у нас было к раненому слишком много других вопросов. А действие препарата ограничено по времени. Потом уже врачи, как только раненого им доставили, не разрешили вести допрос. Но, как только врачи дадут добро, мы и это спросим. Впрочем, твой вопрос не такой уж обязательный. Мы тоже не лыком шиты и существование осведомителя предположили. И уже смогли кое-что выяснить техническими методами. Был проведен биллинг[9] телефонных разговоров в райцентре. Мы нашли трубку, с которой был сделан звонок в горы накануне нападения на машины с деньгами. А во время нападения трубка из гор находилась рядом с селом. И уже смогли выяснить личность старика, чей сын воевал в банде Абдурашидова и погиб в Сирии как раз в том бою, когда вовремя оказались на месте «Тигры» генерала Сухель аль-Хасана. Это некий Рустам Садыков. А сына его звали Рагим. Немного не дожил парень до возвращения домой. Но старик сыном, похоже, гордится. И всячески помогает эмиру Малику. Есть конкретные данные, что старику помогает племянник, компьютерщик районной телефонной станции Халил, хакер-любитель, самоучка. Старый Рустам Садыков по характеру, думается,

[9] Биллинг – важнейший компонент деятельности любого коммерческого оператора связи, вне зависимости от вида телекоммуникаций: операторы фиксированной или мобильной связи, интернет-телефонии, виртуальные операторы, интернет-провайдеры, операторы транзитного цифрового трафика не могут существовать без биллинга, благодаря которому выставляются счета потребителям их услуг и обеспечивается экономическая составляющая их деятельности. Говоря проще, с помощью биллинга возможно установить, какая трубка в какое время находилась в определенном месте, с какой трубки по какому номеру были произведены звонки.

обыкновенный старый абрек. Пока в силу возраста помогать может только информацией. Но информацию дает предельно точную. Мы даже проезжали мимо дома старика, просто посмотрели, себя не показывая. С его крыльца, где он дни проводит, сидя за чаем, хорошо видны здание и двор Сбербанка. Можно информацию давать. Пока решили старика не трогать, но проработать возможность его использования.

– Каким образом? – поинтересовался я.

– Обстановка покажет.

* * *

Бойцы спецназа ФСБ прилетели с носилками. Опыт, видимо, был. И на носилках перенесли тела убитых бандитов к одному из вертолетов. На втором предстояло вылетать нам. Подполковник Соликамский, понимая мое не слишком хорошее состояние после того, как эмиру и основному костяку его банды удалось уйти, оставив нас в дураках, проявил душевное понимание и поблагодарил меня и взвод за отлично проделанную работу.

Я ответил по-уставному, но потом все же добавил:

– Половинчатый результат не является конечным, товарищ подполковник. В этот раз Абдурашидов обманул нас, в следующий раз я обману его. Все равно ему никуда от меня не деться. Надеюсь только, что не другие эту банду уничтожат, а выпадет это моему взводу. Специально попрошу об этом майора Арцегова. Он такие состояния понимать должен.

– Должен, – согласился подполковник. – Если даже я, хотя я человек не совсем боевой, твое состояние понимаю, майор Арцегов поймет тем более. Он же сам пару лет назад, помню, здесь же разведроту на операции водил. Капитаном тогда еще был, а я майором. Я со своей стороны обещаю тебе, Сергей Николаевич, посодействовать по мере возможности. Но нам сначала нужно найти банду. Я думаю, Абдурашидов сейчас захочет на некоторое время на дно залечь. Так что тебе подождать придется. Месяц, другой – больше эмир не выдержит. Вылезет на дневной свет…

– Спасибо. Я, товарищ подполковник, терпеливый, как змея. Как клещ, который долго может свою жертву ждать…

– Это хорошо. Значит, и мы можем на тебя рассчитывать. Что будет новое, я тебе передам через твоего начальника штаба. Сейчас можешь лететь, я смотрю, твой взвод уже готовится к посадке. Солдатам тоже отдохнуть требуется. Сколько вы уже здесь, на Кавказе, в командировке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.